С. Т. АКСАКОВ

Сочинения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Вот и год прошел, как нет на свете Гоголя! 21 февраля 1853 года, в память дня его кончины, много пролито теплых слез и отслужено панихид: Гоголь был не только великий художник, но и вполне верующий христианин. Гоголя нет на свете – мы привыкли к этим словам и к горестному их смыслу. Изумление прошло; но не прошла и никогда не пройдет скорбь, что уже нет между нами великого писателя, от которого мы еще так много ожидали в будущем. В продолжение года беспрестанно где-нибудь писали о Гоголе…»

- Сергей Тимофеевич Аксаков
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

Сергей Тимофеевич Аксаков
Несколько слов о биографии Гоголя

Вот и год прошел, как нет на свете Гоголя! 21 февраля 1853 года, в память дня его кончины, много пролито теплых слез и отслужено панихид: Гоголь был не только великий художник, но и вполне верующий христианин. Гоголя нет на свете – мы привыкли к этим словам и к горестному их смыслу. Изумление прошло; но не прошла и никогда не пройдет скорбь, что уже нет между нами великого писателя, от которого мы еще так много ожидали в будущем. В продолжение года беспрестанно где-нибудь писали о Гоголе. Писано было не помногу, но с живым участием; печатали иногда то, чего не следовало, что рано было печатать; но немало высказалось прекрасных мыслей, верных взглядов и твердых убеждений. Конечно, никто не прочел без сочувствия и благодарности благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя.[1]

Печатные известия и достоверные слухи пробежали по всей России о тех немногих нравственных сокровищах, которые остались в утешение нам после смерти Гоголя. В почтительном ожидании остаются все, жаждущие этой умственной пищи, известной еще немногим. Между тем прежние печатные сочинения Гоголя давно разошлись, и уцелевшие экземпляры покупаются, как я слышал, за страшно дорогую цену. Ожидание всех обращено на его семейство или на тех, кому поручены литературные дела покойного. В сочинениях Гоголя чувствуется потребность, необходимость: иначе не стали бы платить пятьдесят и семьдесят пять рублей серебром за те четыре книжки, за которые недавно платили и, вероятно, скоро будут платить по-прежнему двадцать пять рублей ассигнациями.

Естественно было желание публики узнать биографию Гоголя, и так же естественно было желание людей пишущих сообщить хотя некоторые биографические известия о нем. Жаль, что, увлекаясь добрым чувством, нарушая должное уважение к предмету, столь важному и многозначительному, печатали иногда известия рановременные (и потому лишенные всякого значения), перемешанные с известиями о модных платьях и катаньях;[2] неуместны также и не интересны для публики странные споры о дне и годе рождения Гоголя, когда так нетрудно и положительно можно узнать эти числа от его матери; еще менее интересны улики в ошибках, когда сам исправляющий их впадает в другие ошибки:[3] все это разрешить и поправить

было легко не печатным образом. Не заслуживает внимания недавно раздавшееся шипение, вероятно, давно сдерживаемой неприязни или зависти, скрытое под формою повести[4]. Презрительным равнодушием наградит публика такие бессильные и жалкие попытки. Но были статьи, замечательные по изложению и содержанию. Первое почетное место между ними принадлежит статье, напечатанной в апрельской книжке «Отечественных записок» прошедшего года: «Несколько слов для биографии Н. В. Гоголя». Она написана с участием, увлекательно, тепло и в то же время с соблюдением разумной меры теплоты; она составляет драгоценный материал для будущей пространной, полной биографии Гоголя. Но ее время не близко. Биография всякого известного и почему-нибудь замечательного человека представляет много затруднений; не только нельзя ее скоро напечатать по свежести отношений покойного к живым людям, но даже нельзя беспристрастно написать: ясности взгляда будет мешать близость предмета; надобно отойти от него, и чем предмет выше, тем отойти надобно дальше: я разумею биографию внутренней жизни, искреннюю и полную. Прекрасная статья, о которой я сейчас говорил, могла быть написана вполне удовлетворительно, потому что время, ею изображенное, время детства Гоголя, *уже далеко* и потому что детский и юношеский возрасты не представляют препятствий и трудностей к их описанию, непременно сопровождающих изображение жизни человека в летах зрелого мужества. Биография же Гоголя заключает в себе особенную, исключительную трудность, может быть единственную в своем роде. Натура Гоголя, лирически-художественная, беспрестанно умеряемая христианским анализом и самоосуждением, проникнутая любовью к людям, непреодолимым стремлением быть полезным, беспрестанно воспитывающая себя для достойного служения истине и добру, – такая натура в вечном движении, в борьбе с человеческими несовершенствами ускользала не только от наблюдения, но даже иногда от понимания людей, самых близких к Гоголю. Они нередко убеждались, что иногда не вдруг понимали Гоголя, и только время открывало, как ошибочны были их толкования и как чисты, искренни его слова и поступки. Дело, впрочем, понятное: нельзя вдруг оценить и поверить тому чувству, которого сам действительно не имеешь, хотя беспрестанно говоришь о нем.

Для большего уяснения предмета я позволяю себе повторить некогда сказанное мною: «Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне, или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах,

ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит! К этому должно прибавить, что разные люди, знавшие Гоголя в разные эпохи его жизни, могли сообщить о нем друг другу разные известия. Да и не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен. Но Гоголь шел постоянно вперед; его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели писателя – яснее, и суд над самим собою – суровее. Итак, в этом смысле Гоголь изменялся. Но даже в одно и то же время, особенно до последнего своего отъезда за границу с разными людьми Гоголь казался разным человеком. Тут не было никакого притворства: он соприкасался с ними теми нравственными сторонами, с которыми симпатизировали те люди или по крайней мере которые могли они понять. Так, например, с одним приятелем и на словах и в письмах он только шутил, так что всякий хохотал, читая эти письма; с другими говорил об искусстве и очень любил сам читать вслух Пушкина, Жуковского и Мерзлякова (его переводы древних); с иными беседовал о предметах духовных; с иными упорно молчал и даже дремал или притворялся спящим. Кто не слыхал самых противуположных отзывов о Гоголе? Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие – молчаливым, угрюмым и даже гордым; третьи – занятым исключительно духовными предметами… Одним словом, Гоголя никто не знал вполне. Некоторые друзья и приятели, конечно, знали его хорошо; но знали, так сказать, по частям. Очевидно, что только соединение этих частей может составить целое, полное знание и определение Гоголя.

Итак, остается желать, чтоб люди, бывшие в близких сношениях с Гоголем, записали для памяти историю своего с ним знакомства и включили в свое простое описание всю свою с ним переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, осветили бы многие, до сих пор неясные для иных стороны жизни Гоголя. Такие-то, поистине драгоценные материалы в соединении с печатными сочинениями Гоголя, с теми, которые будут напечатаны, и с его письмами дали бы возможность биографу достойным образом исполнить свое важное и трудное дело. Гоголь вел обширную переписку. Приблизительно можно сказать, судя по числу его писем к

некоторым известным лицам, что число всех писем может простираться до нескольких сотен[5]. Какое богатство! Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений. Какое наслаждение для мыслящих читателей проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя и высоконравственного человека! Сколько борьбы в примирении художника с христианином, сколько подвигов послушания и сколько ошибок, увлечений зыбкого человеческого ума, никогда, однако же, не помрачивших чистоты душевной, открыла бы такая биография! Сколько умилительного и поучительного нашли бы в ней даже такие читатели, которые чужды литературного направления! Да исполнится когда-нибудь это желание, без сомнения разделяемое многими, и да будет оправдан и оценен Гоголь по достоинству как художник и как человек.

1853 года, марта 1-го дня.

Деревня.

notes

Примечания

1

…благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя. – Эта статья – «Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в «Северной пчеле» – была опубликована в «Московских ведомостях», 1852, № 76.

2

…перемешанные с известиями о модных платьях и катаньях. – По-видимому, речь идет о статье Г. Данилевского «Хуторок близ Диканьки», напечатанной в № 124 «Московских ведомостей» за 1852 г.

3

…когда сам исправляющий их впадает в другие ошибки. – Имеется в виду статья «Выправки некоторых биографических известий о Гоголе», в которой анонимный автор, справедливо во многих случаях полемизируя со статьей Г. Данилевского (см. пред. примеч.), сам, однако, допустил ряд существенных фактических погрешностей в освещении биографии Гоголя.

4

…скрытое под формою повести. – Речь идет, несомненно, о повести Е. И. Вельтман – жены известного романиста и археолога – «Виктор», напечатанной в «Москвитянине», 1853, No№ 2, 3, 4. По поводу этого очень слабого в художественном отношении произведения С. Т. Аксаков с возмущением писал И. С. Тургеневу: «Эта… женщина вздумала мимоходом попачкать славу Гоголя. Оба они с мужем всегда шипели около себя хулу и клевету на Гоголя, а теперь осмелились даже и печатно поплевать на его память. Я сейчас уведомил об этом Погодина, а он с своей молодой редакцией и не узнал, что у него в журнале напечатано. Надобно бы ее показнить несколькими строками равнодушия и презрения, да негде, да еще, пожалуй, и не пропустят» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 19).

5

…число всех писем может простираться до нескольких сотен. – Эпистолярное наследство Гоголя гораздо более велико по объему. Ныне выявлено свыше тысячи трехсот его писем.